

Альберт Кашфуллович Байбурин: 75 лет

Бывают места и эпохи, которые отличаются исключительной интеллектуальной продуктивностью – такова была удивительная атмосфера Тарту рубежа 1960-х и 1970-х гг., со знаменитыми Летними семиотическими школами, ныне описанная во множестве мемуаров. Альберт Байбурин, которого тогда еще не называли по имени и отчеству, начал свой путь в науку оттуда, из университетской аудитории, где занятия вел Ю.М. Лотман.

Окончив Отделение русской филологии Тартуского государственного университета в 1972 г., где АК занимался русским фольклором (в частности, семиотическим анализом свадебного обряда), он поступил в аспирантуру в Кунсткамеру, которая тогда была Ленинградским отделением академического института антропологии и этнографии. Казалось бы, жилище – вполне традиционная этнографическая тема, но то, чем стал заниматься АК, когда ему поручили заниматься жилищем, оказалось совсем не похоже на описательный подход советской этнографии, сфокусированный на материальной культуре. Коллег по отделу не могло не впечатлить владение материалом, однако вместо описания новый сотрудник сектора восточных славян сосредоточился на анализе символики жилища и его элементов. Впрочем, К.В. Чистов как научный руководитель и Б.Н. Путилов поддерживали молодого коллегу. Диссертация была посвящена русским народным обрядам, связанным со строительством жилища, и защищена в 1977 г.; уже в 1980-е гг. вышла первая монография АК «Жилище в обрядах и представлениях восточных славян» (1983)¹, сразу ставшая классической. За анализом обрядов и представлений стояла связанная картина того, как устроена и как функционирует традиционная культура, и эта картина явно выходила за рамки кандидатской диссертации.

Много лет спустя, уже в начале нулевых годов, АК подготовил примечательный мультимедийный проект – учебный CD «Символика русского дома», нечто вроде виртуального музея, посвященного избе. Он был выпущен маленьким тиражом и сегодня, подозреваю, недоступен еще и потому, что тогдашние технологии сегодня устарели. На диске содержался небольшой, но богато иллюстрированный учебник, содержащий всё то, что внимательный слушатель в идеальном случае должен был бы вынести из экскурсии по этнографической экспозиции о жилище – экскурсии,

¹ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.

проведенной АК. Он не включен в опубликованную библиографию работ АК², однако следует упомянуть его в качестве иллюстрации того обстоятельства, что преподавание и обращение к широкой аудитории всегда были актуальны для АК. Кроме того, этот проект иллюстрирует еще и то, что позже стали называть «материальным поворотом»: значительная часть информации группировалась вокруг частей жилища и вещной среды повседневности русского крестьянина. Примерно в это время в длинном списке статей, подготовленных Байбуриным для Российского гуманитарного энциклопедического словаря, значились «Армяк», «Борона», «Веник», «Выворачивание одежды», «Горшок», и так по всему алфавиту, вплоть до «Сора», «Трубы печной» и «Ухвата».

Стоит отметить две публикации, которые отражают разные аспекты размышлений АК в русле семиотического анализа вещей, – это статьи «Семиотический статус вещей в мифологии» (1981)³ и «Этнографический музей: семиотика и идеология» (2004)⁴. Кстати, некоторое время в конце 1980-х гг. АК исполнял обязанности директора Кунсткамеры – Музея «этнографии народов мира», существовавшего в Ленинграде, как и во многих европейских странах, имевших колонии, в параллель музею «этнографии народов СССР». Изучение народной культуры – фольклора и этнографии «своего» крестьянства – вкупе с изучением других обществ, далеких и географически, и культурно, в свое время как раз и стало основанием для формирования социальной антропологии. В нашей стране, однако, антропологические идеи добирались до читающей публики в последние десятилетия XX в. скорее через историческую антропологию, и в каком-то смысле А. Гуревич и Ж. Ле Гофф оказались важнее Малиновского и Эванса-Причарда. Но если уж пытаться определить источники и составные части антропологического подхода Байбурина, то среди них главное место будет принадлежать семиотическому анализу текстов культуры, идущему от Ю.М. Лотмана и, шире, Тартуско-Московской семиотической школы.

² Хронологический список трудов А.К. Байбурина // *Experto credo* Alberto: сборник статей к 70-летию Альберта Кашфулловича Байбурина / Ред.-сост. А. Пиир, М. Пироговская. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. С. 442–462.

³ *Байбурина А.К. Семиотический статус вещей и мифология* // Сборник Музея антропологии и этнографии / Рос. акад. наук, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 37: Материальная культура и мифология. Л.: Наука, 1981. С. 215–226.

⁴ *Байбурина А.К. Этнографический музей: семиотика и идеология* // Неприкосновенный запас. 2004. № 1. С. 81–86.

Со времени расцвета этой научной школы, на языке которой сформулировано многое из лучшего, что создано в отечественных гуманитарных науках в последней трети XX в., как можно было заметить, работы в этом русле тяготели к одному из двух полюсов: либо это попытка применить семиотический метод к некоторой сфере реальности и сформулировать в соответствующих терминах что-то, что мы можем интуитивно понять, как кажется, и без этого категориального аппарата (таких экспериментальных работ было немало в 1960-е гг.), либо же это попытка развить сам метод, предлагая новые категории, потому что анализ открывает в изучаемой действительности какие-то новые характеристики, для которых не всегда имеется готовое обозначение. Работы АК относятся к этому второму полюсу.

Обращение к этнографическому материалу с неизбежностью потребовало разработки особого извода «семиотики поведения». К 1980-м гг. это была уже не только попытка разработать грамматику славянских обрядов, но и анализ реального функционирования этой системы – то есть, говоря метафорически, уже не грамматики и словаря, а речи и прагматики высказываний. Один из этапов этого проекта отражен в нескольких заметных публикациях того периода, посвященных «стереотипам поведения». АК выступил редактором сборника «Этнические стереотипы поведения» (1985)⁵ и затем, совместно с И.С. Коном, который тоже одно время работал в Кунсткамере в той же самой организованной Б.Н. Путиловым Группе общих проблем этнографии, редактировал сборник «Этнические стереотипы мужского и женского поведения» (1991)⁶. Незадолго до этого вышла замечательная научно-популярная книжка, написанная АК совместно с А.Л. Топорковым, – «У истоков этикета» (1990)⁷. Она была и остается незаменимым текстом для преподавания и в этом отношении стоит в одном ряду с такими вершинами, как «Введение: Быт и культура» к «Беседам о русской культуре» Ю.М. Лотмана⁸.

В 1993 г. АК публикует свой *Opus magnum*, которому суждено было стать не только обобщающим текстом по отношению

⁵ Этнические стереотипы поведения: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; под ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. 325 с.

⁶ Этнические стереотипы мужского и женского поведения: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; [отв. ред. А.К. Байбурина, И.С. Кон]. СПб.: Наука, 1991. 318 с.

⁷ Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 165 с.

⁸ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). СПб.: Искусство-СПб., 1994. 399 с.

к целому этапу научного творчества, но и книгой, имеющей исключительное значение для нескольких поколений исследователей – и как внятное введение в исследование ритуала в мировой науке, и в качестве труднодостижимого образца того, как следует анализировать материал и строить научный текст. В этой книге обосновывается один из важнейших инсайтов, который теперь вроде бы как-то сам собой разумеется у просвещенной Байбуриным публики, а тогда, на рубеже 1980-х и 1990-х гг., оказался его открытием и его формулировкой, он касался устройства социального мира, а вовсе даже не ритуала: ритуал совсем не «маркирует» что-то в мире, не является выражением или отражением или фиксацией каких-то обстоятельств или перемен (как это было принято считать и как это отражалось в способе говорить о ритуале); ритуал, собственно, и составляет эту социальную реальность, производит ее. Это к тому, что вышедшая к сегодняшнему дню уже двумя изданиями монография «Ритуал в традиционной культуре»⁹ по своему содержанию богаче, чем анонсирует подзаголовок «структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов». Через два года после выхода книги состоялась защита докторской диссертации на тему «Семиотические аспекты функционирования традиционной культуры».

Еще одним обобщающим текстом для структуралистского аспекта размышлений о понятии кода на материале ритуала оказалась небольшая статья, написанная АК совместно с Г.А. Левинтоном (1998)¹⁰, ср. отклик на нее С.М. Толстой (2007)¹¹. Вообще говоря, для любой научной дисциплины оказывается в высшей степени полезно, когда крупный ученый не только вносит свой вклад в порождение нового знания о реальности, но и пытается это знание систематизировать, тем самым создавая условия для развития некоторой парадигмы исследований. Это нечто вроде возведения опалубки и строительных лесов там, где еще нет стен. Далеко не все ученые обладают этим даром или оказываются достаточно мотивированы для того, чтобы разъяснить концептуальные основания своих исследований, тем самым как бы «сжимая» информацию. Более склонны к таким проектам те, кому довелось преподавать.

⁹ Байбурина А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.

¹⁰ Байбурина А.К., Левинтон Г.А. Код(ы) и обряд(ы) // Кодови словенских култура (Београд). 1998. Бр. 3: Свадба. С. 239–257.

¹¹ Толстая С.М. К понятию культурных кодов // АБ–60: Сборник к 60-летию А.К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. 572 с. С. 23–31. (Studia Ethnologica; вып. 4).

В середине 1990-х вопрос о преподавании приобрел для АК совершенно новые очертания. Это был, как оказалось, довольно краткий период постсоветской истории, когда открывались возможности для создания принципиально новых институций, независимых от государства. Следует напомнить, что первая половина 1990-х гг. была временем оттока талантливых молодых людей из российских научных учреждений: кто-то занимался бизнесом, кто-то уезжал учиться и работать за границу. В академических учреждениях существовавшая тогда аспирантура ничему не учила и в лучшем случае сводилась к общению с научным руководителем, а в государственном университете такой науки, которой занимался Байбурин, просто не существовало.

Группу будущих основателей Европейского университета в Санкт-Петербурге, в узкий круг которых входил АК, объединяло несколько характеристик: все они активно работали в науке и уже имели высокую научную репутацию, никто из них не был университетским преподавателем по основному месту работы, все они находились вне академического административного истеблишмента и в научном отношении в значительной мере противостояли бывшей советской науке, и, наконец, хотя у отцов-основателей и были ограниченные возможности преподавать университетским студентам, они не могли набирать аспирантов и систематически учить их – просто не было такого места, где бы это можно было реализовать. Отсюда и возникла идея создать учреждение принципиально нового типа – аспирантский колледж.

Будущий факультет антропологии, деканом-организатором которого выступил АК, воплотил эти чаяния. Классики американской культурной антропологии, британской социальной антропологии и французской этнологии, которых читали создатели факультета, задавали ориентиры для той научной школы, которую еще только предстояло создать из того, что было у них в распоряжении. Это были:

- семиотически ориентированные исследования этнографических материалов в области народной культуры, преимущественно восточнославянской;
- исследования фольклора и мифологии;
- исследования в области социолингвистики, социологии языка и лингвистической антропологии.

В основании союза этих трех китов (их персонифицировали АК, Г.А. Левинтон и Н.Б. Вахтин) лежало, в частности, творческое осмысление тартуско-московской семиотики и осознание того, что продуктивно двигаться вперед в антропологических исследованиях возможно, только ориентируясь одновременно во всех этих трех областях. Впрочем, кит Байбурина был здесь основным, задавшим

главное направление факультета. В получившейся конструкции кому-то бросится в глаза отсутствие физической антропологии и археологии, но это отдельный сюжет и, как принято говорить в таких случаях среди программистски подкованной публики, «это не баг, а фича».

Начиная с 1996 г. все поколения студентов факультета антропологии ЕУСПб слушают курсы АК и проходят через его семинар, который посвящен введению в научную работу в области антропологии. Байбурин-лектор запоминается всем, кто слушал его однажды, завораживающим аудиторию эффектом того интеллектуального приключения, которым оборачивается каждая встреча с ним в аудитории. Некоторое представление об этом может дать записанный курс аудиолекций о советском паспорте на портале «Арзамас»¹².

Этот курс возник как результат нескольких исследовательских проектов АК, которые начиная с нулевых годов связаны с антропологическим изучением советской повседневности, с социальной историей советского общества, с отражением советского в постсоветской действительности. Советской повседневности была посвящена профессура имени Малхаза Абдушелишвили (2007–2018). С 2009 г. среди публикаций АК выходят несколько работ, раскрывающих разные аспекты отношений человека и советской власти, опосредованных паспортом советского гражданина. Паспорт выступает своеобразным магическим кристаллом, сквозь призму которого мы видим некоторые специфические черты советского общества в перспективе антропологии. Итоги этого проекта отражены в монографии о советском паспорте (2017)¹³.

Сразу для нескольких обществоведческих дисциплин вклад Байбурина связан еще и с его редакторской деятельностью: АК придумал, организовал и с 2002 г. является бессменным главным редактором журнала «Антропологический форум», который издается совместно Кунсткамерой и ЕУСПб. Журнал был задуман как площадка для обмена идеями, где участвуют антропологи, историки, лингвисты, социологи. Важно отметить, что в начале нулевых эта затея была тем более актуальной, что шла, если так можно выразиться, против господствующей моды, согласно которой узкие специалисты публикуются в своих специализированных журналах. Несколько иначе, чем факультет антропологии Европейского уни-

¹² Байбурин А.К. Курс: Зачем нужны паспорт, ФИО, подпись и фото на документы // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/courses/54> (дата обращения 20 авг. 2022).

¹³ Байбурин А.К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.

верситета, но журнал тоже продуцирует интеллектуальную среду, причем и своими публикациями, и своим форматом подчеркивает, что эта среда интегрирована в мировое научное сообщество.

Особенность «Антропологического форума», созданного при участии Центра европейских гуманитарных исследований Оксфордского университета и лично Катрионы Келли, состоит еще и в том, что наряду с четырьмя выпусками в год выходит еще один по-английски.

Звания, должности, профессуры и степени – в том числе почетные (так, АК является Почетным доктором Сорбонны, где профессорствовал в 1997–1998 гг.) – отражают официальное признание вклада одного из самых ярких российских ученых-гуманитариев, уважение и внимание мировой науки – в переводах монографий и статей на иностранные языки, а признательность и любовь коллег и учеников выражается в фештшифтах и поздравлениях¹⁴. Пожелаем и мы Альберту Кашфулловичу крепкого здоровья, новых талантливых учеников и вдохновения!

И.В. Утехин

¹⁴ АБ–60: Сборник к 60-летию А.К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. 572 с. (Studia Ethnologica; вып. 4); Experto credo Alberto: Сборник статей к 70-летию Альберта Кашфулловича Байбурина / Ред.-сост. А. Пиир, М. Пироговская. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 462 с.; Форум: Байбурин: pro et contra // Антропологический форум. 2022. Специальный выпуск. С. 12–30.